

ОДИН ДЕНЬ ДЕНИСА ИВАНОВИЧА

Еще до подъема, минут за двадцать, проснулся Денис Иванович. Проснулся, и, лежа с закрытыми глазами, почувствовал себя настолько здоровым, что аж неудобно стало.

«Как бычок перед случкой. Кстати, на ком сегодня остановимся? Вопрос риторический. Кто подвернется, на том и остановимся».

Он отбросил одеяло, вскочил, потянулся к табуретке с формой, и тут же тихо выматерился. В казарму вбежал ротный, полоумный старший лейтенант Шурик, обычно приходивший ровно в шесть.

- Вот козел! Чего не спится, а?! Сейчас начнется...

- Денис Иванович! Рядовой! Ко мне!

- Есть. – Нехотя ответил Денис Иванович и поплелся к старлею.

- Отставить! Строевым!

- Ну козел!

- Сам козел! Доложить по форме!

- Я вас, кажется, не обзывал.

- Вслух. Но ведь подумал.

- Знал бы ты, что я о тебе думаю, - подумал Денис Иванович.

- Знаю. Моя мама меня любит, и никогда бы аборт не сделала. За эти мысли сейчас будешь моим спаррингом.

- Да побойтесь бога, товарищ старший лейтенант! Вы же на двадцать килограмм тяжелее меня.

- Зато у тебя техника.

- Так вы же потом обижаетесь...

- Так то потом...

Они уже заходили в спортзал. Дальше было как обычно. Едва Шурик стал в стойку, Денис Иванович двинул ему в скулу, и ротный упал.

Он вскочил, бросился на рядового, с криком: « Где представление на медаль, писаришка штабной? Зажал, подлец...»

Денис Иванович увернулся от пудовых кулаков, и сказал: « А вам ведь еще и звание скоро. Представление на капитана тоже через меня пойдет».

- Да ты! – Лопался от крика старлей. – Да я к комполка! К полковнику. К Большелапову!

- Вперед! Сами знаете, что бесполезно.

Шурик наконец поймал Дениса Ивановича, но тот провел апперкот по туловищу. Старлей опять упал, со стоном : « Чтоб ты сдох!»

- Да с таким ротным точно скоро уйду в рай. Мне на работу пора, товарищ старший лейтенант.

Ротный поднялся и сказал: «Ид - дит - те! Строевым! И учтите – я фас не путу пить. Я фас путу немношко фешать! Я не есть топускать беспорядок в рот - те!»
- Нет, по нему точно психушка плачет, - подумал Денис Иванович и строевым шагом вышел из спортзала. – Ладно. Все это вместо физзарядки было. Вперед, Денис Иванович, на галеры.

По дороге в штаб он встретил Риту Матисс. Рита, жена майора из политотдела, стукача по призванию, очень дорожила одним своим качеством. А качество действительно было одно. Но зато – качество!

Она молча взяла Дениса Ивановича за руку и повела на водокачку. Водокачку обслуживал Ваня Корепанов, солдатик из роты обслуживания.

- Вот так. – Обрадовался Ваня, - Забрели, наконец. А то одни чукчанки водокачку посещают.

- Цыц, - сказала Рита, - готовься пока. У Дениса Ивановича времени, как всегда, в обрез.

- Да я что, - встал и вытянулся Ваня, - мы службу – то знаем. Даром что гражданский пост достался.

- Ваня – старый эротоман, - польстил Денис Иванович.

- Цыц! – Опять прикрикнула Рита. – Разговорчики! Или хотите, чтобы вами майор Матисс заинтересовался?

- Да ни боже мой! Занимайте, Ритуля, рабочее место.

- Так ото ж, - удовлетворенно выдохнула Рита.

Рабочим местом служила широкая лавка. Нагадал Денис Иванович насчет галер.

Так на то она и армия, чтобы солдат не скучал. Не первый призыв видела эта лавка. И тех самых чукчанок, о которых так нелестно отзывается Ваня. Дело было на Чукотке. Бухта Провидения – там вместо кислорода сплошное либидо.

- А где сейчас майор? – Вдруг стукнуло у Дениса Ивановича.

- Дежурным по части, - залилась сатанинским смехом Ритуля.

- Тьфу ты, - соскочил с лавки рядовой, - под монастырь подводишь.

Он по армейски быстро одевался.

- Куда?! – Схватила его за ремень демоница.

- Отстань, сатана.

Он вырвался, и, на ходу застегивая китель, бросился к выходу.

- Иван, - заорала Рита, - ну - ка быстро ко мне. Строевым!

- Грехи наши тяжкие, - бормотал Ваня, чеканя к лавке.

- Молодца, - сказала майорша, - дальше так будешь служить – завоюешь честь и славу.

- Рады стараться, - гаркнул Иван, - а я извиняюсь, где сейчас ваш муж находится?

- Военная тайна. Штаны – то снимай. В них у тебя ничего не получится.

- Ну уж и не получится, - заартачился служивый.

- Снимай, тебе говорят. А то все Матиссу расскажу.

- Шантаж. Чистой воды шантаж.

Только он начал ширинку расстегивать, раздался гром небесный, за ним возглас: «Дежурный!» и в комнату водокачки зашел дежурный по части. Майор Матисс. Не

обращая внимания на голую жену, он заорал на Ивана: «Что за вид! Воротничок не застегнут. Э, да он тебя черный! А ширинка? Почему ширинка расстегнута?!»

- Так как... - забормотал Иван, - поскольку Сириус приблизился к Рудомедне, стало быть, великая межгалактическая необходимость...

- Нет, - горько сказал майор, - не выйдет из тебя настоящего война ПВО. Планеты могут сколь угодно близко приближаться друг к другу, но это никак не должно влиять на внешний вид русского солдата. Ну ты же не бурят, Иван!

- Почему не бурят. Бурят. Еще какой бурят, товарищ майор.

- А, - согласился майор, - это многое объясняет. Тогда обойдемся без гауптвахты.

Ритуля, марш домой. Печка, понимаешь, не топлена, а я на сутки заступил...

Рита, уже одетая, замурлыкала: «Петюн. Часок – то для жены выделишь? А то видишь, на водокачку к бурятам уже приходится бегать».

- Иди, иди шалопайка, - ласково сказал майор, - стоп! Ты ему туфли отдала?

-Ах, бог ты мой. Забыла. Ваня, каблук полетел, почини голубчик.

Она достала из хозяйственной сумки туфли. Иван взял, забормотал: «Вот так все. И ведь никто не платит. Барают русского солдата, как хотят. И слова им не скажешь».

Майор засмеялся: «Да говори, Вань».

- Отойдзи, отойдзи, один крест, на грудзи, - замурлыкала Ритуля и вышла вон.

- Эх, - поправил кобуру майор Матисс, - хороша, зараза. Ты с туфлями – то уж постарайся. А я тебе на дембель ефрейтора выбью.

- Нет, - ужаснулся Иван, - все сделаю, товарищ майор, только без ефрейтора.

- Ну, гляди. И вообще, Ваня, если что заметишь, сразу ко мне, в политотдел. А за Ритку спасибо. И ребятам передай. Писарю этому, Денису Ивановичу. Я то, сам знаешь, после полигона на Новой Земле, уже не по этой части. Ну, у нас в армии чужой беды не бывает. Служи Ваня молодцом. В конце концов, завоюешь честь и славу.

- Да не подведем, товарищ майор. Мы ведь здесь, - он повел руками, - на водокачке этой, всегда на посту. И супругу вашу ценим. Большая затейница.

- Это есть. Я как -нибудь зайду к тебе. Посидим, «Таганку» попоем. Знаешь «Таганку»?

- Обижаете. Я хоть и бурят, а веду себя вполне по понятиям. Ну, по уставу.

- Ну, я тогда пошел. Тогда у меня на душе спокойно.

А Денис Иванович все шел к штабу, в родную свою строевую часть. Но по дороге, которая, между прочим, была сугубо чукотской, то есть вилась между двухметровых сугробов, залакированных непростой зимой до стальной жесткости, встретился ему антагонист, начштаба, подполковник Ропешин. Он был уже совсем стар, и от этого очень зол. А Дениса Ивановича вообще видеть не мог, по причине буйволиного молодого организма, и красных на морозе щек. Но тут деваться некуда было, столкнулись нос к носу.

- Ага, - сказал подполковник, - опять ты в погоны железные пластинки зашил. Счас я их.

Он двумя руками ухватился за правый погон, и попытался лишить Дениса

Ивановича знаков отличия. Но тот был к ним абсолютно безразличен, и спокойно ждал мрачной развязки. Погон, пришитый суровыми нитками, не поддавался. Подполковник пыхтел, пукал и ругался.

Денису Ивановичу стало жалко старого солдата. И он посоветовал: «Да вы ногой – то в наст упритесь».

Подполковник прислонился к снежной стене и заплакал.

- Интеллигенция вшивая, - всхлипывал он, - чтоб тебе больше никогда твоего университета не увидеть...

- И зарубежную литературу три раза в год сдавать, - попытался помочь ему Денис Иванович.

- Хочешь, я тебя, аспид, прямо сегодня на дембель отправлю...

- Нет, - отрезал Денис Иванович, - я дослужу.

- Хорошо, - вытер слезы подполковник, - служи. Но чтобы к Милке моей больше ни на шаг.

- Да и не было ничего у меня с вашей Милкой.

- Но ведь будет!

- Ну, это как 37 год в отечественной истории. Все уже говорят, что его и не было вовсе. А про себя думают – но обязательно будет.

- Да, - офицер уже полностью пришел в себя, - суровые у нас армейские будни. Но мы их с честью...

- Уж мы их! – Согласился Денис Иванович.

И тут ему стало что-то очень тошно.

- Наверное, заболел я.

Такова была мрачная развязка. Верней, должна была стать таковой. Но на пути к штабу Денису Ивановичу повстречалась полковая столовая. Из последних сил он зашел в нее.

В столовой было гулко и пусто.

- Бойцы! – Кое-как гаркнул Денис Иванович.

Тут же из ленинской комнаты, как из табакерки, выскочили два повара первого года службы – «фазаны» Николай Поначевный и Николай Воробьев. Оба были в гимнастерках и белых халатах по пояс. Ниже пояса они были голые.

- Ну – ка, накормите дедушку.

- Так рано еще, Денис Иванович. Дежурный по части еще пробу не снимал. Может проверить наличие, мудила. Так что только масло, икра, кетовый балык и кофеян. Ночная закусочка...

- Боже, когда же это кончится, - тоскливо пробормотал Денис Иванович.

- Конечно, в икре много холестерина, - заметил Николай Поначевный.

- Зато она мало калорийная, - быстро добавил Николай Воробьев.

- Вы кому это все поете, менестрели херовы. Второй год уж, поди, деликатесами давлюсь...

- Ну вы куда подевались, салабоны херовы. Хлопцы... - раздался из ленинской комнаты голос Риты Матисс. Она появилась в дверях сакрального местечка, голая, конечно. Увидела Дениса Ивановича и прошептала: «Ой!».

Рита закрыла руками груди, оставив причинное место напоказ. Видимо, как-то не особенно оно ее заботило. Потом вдруг стыдливо побежала по длинному коридору в сторону офицерской комнаты, кокетливо раскачивая попой.

- Шизо, - устало подумал Денис Иванович, - черт бы побрал эти атомные испытания. Нет, как по разному радиация на мужчин и женщин действует. Ведь она только при мне уже третий призыв за крякалык теребит. А майор беззвучно рыдает по ночам...Что ж...хоть и холодная, а это война... понаделала делов, подлая.

- Так мы это... пойдём?

- Надавать бы вам маклявок. За борзость. Ладно, - Денис Иванович налил в стальную кружку солдатского кофе со сгущенкой из тяжелого медного чайника. Солдатского потому, что есть еще и офицерский. Абсолютно, кстати, идентичный, - знаете, кто сегодня дежурный по части?

- Нет. А кто?

- Майор Матисс.

- Твою мать! – Всполошились бойцы.

- Вот так, коллеги, - с полным ртом едва проговорил Денис Иванович.

Через сорок минут он полностью выздоровел и пошел в штаб.

Робко выглянуло чукотское солнце. День разгорался.

А в Москве, на Красной площади, уже забрезжил вечер.

В темном Мавзолее лежал Ленин. Ровно в восемь – ритуальный час – он приподнялся, кряхтя, вылез из саркофага, встал в середине зала и, осторожно стуча кулаком правой руки себя в грудь, заорал: « Хо,хо, я ваш друг». Так он проорал три раза подряд. Часовые, ребята из под Тулы и Орла, три раза вздрогнули. Что это такое они не знали, но остро чувствовали – рядом же стояли. И все мысли о маминых пирожках с капустой и рыбой, улетучились.

- Не лежится, вурдалаку...

А вурдалак, искательно глядя прямо перед собой, тихо спрашивал: « Ну можно я в пивную, а? Тут недалеко, в ГУМе. На полчаса, а?»

- Может, ты еще и на УДО попросишься! - Загрохотало в пустой голове мумии. –

Атеист Ульянов! В саркофаг! Лицом вверх! Лежать вечно!

- Ну разок, за столько-то лет...

- Ложись, засранец!

Ленин, все так же кряхтя, залез в саркофаг. И тут же над Москвой заскользили тени бледных коней с всадниками во фраках. Летели они в бухту Провидения, в один малозасекреченный штаб ПВО страны.

- Эх, Русь...- вздохнула Вселенная.